

На правах рукописи

Балаклеец Наталья Александровна

**ТРАНСФОРМАЦИИ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

5.7.7 – социальная и политическая философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Самара – 2026

Работа выполнена на кафедре «Философия и социально-гуманитарные науки» института инженерно-экономического и гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет».

Научный консультант: **Шестаков Александр Алексеевич,**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Бельков Олег Алексеевич,**
доктор философских наук, профессор,
действительный член Академии военных наук,
ведущий научный сотрудник научного центра по
исследованию истории и развития мировых
цивилизаций АНО ВО «Университет мировых
цивилизаций имени В.В. Жириновского»

Кафтан Виталий Викторович,
доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса
факультета социальных наук и массовых
коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве Российской
Федерации»

Рахманов Азат Борисович,
доктор философских наук, доцент, профессор
кафедры современной социологии
социологического факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»

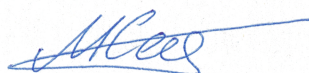
Ведущая организация Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет транспорта»

Защита диссертации состоится «15» октября 2026 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета 72.2.007.05 на базе ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО МГПУ по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 и на сайте www.mgpu.ru.

Автореферат разослан « » июля 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Сахарова М.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Война является неотъемлемым элементом социальной жизни. Несмотря на многочисленные попытки, предпринимаемые как мыслителями-теоретиками, так и общественными деятелями, с целью обуздания непредсказуемой и неуправляемой военной стихии, история показывает несостоятельность усилий человечества по предотвращению войн. Вопреки постоянно возобновляющимся призывам «к вечному миру» и оптимистичным прогнозам в отношении мирного будущего человечества, война как способ разрешения политических конфликтов не становится историческим пережитком, но демонстрирует удивительную устойчивость и способность к мимикрии. Не случайно еще К. фон Клаузевиц сравнивал войну с хамелеоном, постоянно меняющим свою природу сообразно с конкретными обстоятельствами¹.

Насилие не только не отходит на обочину социальной жизни, но, напротив, оно настолько прочно укоренилось в ней, что сегодня некогда четкая грань между войной и миром как противоположными модусами бытия человека и общества размывается. Пространственно-временные характеристики современного общества позволяют сделать вывод о стирании в нем однозначных границ войны и мира. Еще сравнительно недавно война была событием, позволяющим осуществлять периодизацию современной истории, она служила маркером исторических эпох – так, согласно Э. Хобсбауму, именно год начала Первой мировой войны ознаменовал наступление «короткого двадцатого века»². Сегодня человечество существует в условиях политической турбулентности, дестабилизации межгосударственных отношений. Происходит трансформация политического насилия, акторы которого, отказываясь признавать друг друга «законными» или «справедливыми» врагами (*justi hostes*), подрывают основу для установления прочных и долговременных мирных отношений.

Мир в XXI веке является ареной явного или латентного насилия, которое, даже будучи замаскированным в изобретенные современной цивилизацией формы, не утрачивает своей антигуманной природы. В физическом, социальном и виртуальном пространстве отсутствуют «зоны безопасности», которые могли бы послужить надежным заслоном от военных ударов, ядерных бомбардировок или кибератак. Благодаря появлению новых, высокотехнологичных видов оружия вооруженное насилие потенциально может охватить любую точку поверхности Земли. Перефразируя К. Шмитта, можно отметить, что чрезвычайное положение сегодня становится нормальным состоянием человечества.

Согласно статистическим данным, полученным еще в 1970-е гг., лишь относительно небольшой период (292 года) пятитысячелетней человеческой истории характеризовался отсутствием войн. Фиксируемые историками 15513 военных столкновений унесли жизни порядка 3 миллиардов 640 миллионов человек³. После беспрецедентного по своим масштабам кровопролития двух

¹ Клаузевиц К. О войне. М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука», 1994. С. 58.

² Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004. С. 15.

³ Трут В.П. Войны в истории человечества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 1. С. 10.

мировых войн человечество не отказалось от насильственных способов решения политических конфликтов. Начало XXI столетия было ознаменовано значительным ростом числа вооруженных конфликтов, пик которых приходится на период с 2015 по начало 2020-х гг. Причем всплеск вооруженного насилия в различных регионах земного шара в актуальный исторический период сопровождается значительным сокращением числа мирных соглашений⁴.

Безусловно, способы ведения военных действий претерпели существенные трансформации. Остались в прошлом некогда устойчивые традиции официального объявления войны и торжественного заключения мирного договора, однако, это не означает, что современное человечество пребывает в состоянии мира. Несмотря на отсутствие в наши дни кровопролитных столкновений между ведущими государствами мира, военное противостояние различных политических акторов принимает новые обороты. На смену военному противоборству суверенных государств пришли вооруженные конфликты и войны нового типа, а посредством информационно-коммуникационных технологий свидетелем войны в режиме реального времени сегодня может стать каждый. Военные события становятся фоном повседневного бытия человека в мире. В жизненном мире наших современников уже укоренены объекты, которые были первоначально разрабатывались для военных целей, – системы слежения, дроны, военные компьютерные игры. Трансформации сегодня подвергается способ чувственного восприятия мира: постепенно перспектива военного наблюдателя становится доминирующим взглядом человека на мир.

Таким образом, для понимания векторов развития современного общества следует осмыслить специфику ведущихся сегодня войн, проследить направления трансформации политического насилия и выявить характерные черты его акторов. Рассмотрение социальных процессов, происходящих в современном мире, через призму войны, послужит, по нашему мнению, плодотворным исследовательским шагом и позволит сделать некоторые прогнозы относительно будущего человечества. Человек, ведущий войны, *Homo bellator*, по-прежнему является одной из ипостасей человеческого бытия, требующей философского осмысления.

Степень научной разработанности темы. Феномен войны с древнейших времен был объектом теоретической рефлексии представителей политико-философской и военно-философской мысли. Ряд теоретических положений, сохраняющих актуальность и применительно к войнам современности, был сформулирован древнекитайскими военными теоретиками Сунь-цзы и У-цзы. Философская рефлексия политических и этических границ войны осуществлялась Платоном, Аристотелем, Цицероном, Климентом Александрийским, Тертуллианом, Оригеном. Основы доктрины и принципы справедливой войны (*bellum iustum*) разрабатывались в учениях Амвросия Медиоланского, Августина Блаженного, Фомы Аквинского, Г. Гроция, С. фон Пуфендорфа.

Значимый шаг на пути обоснования автономии сферы политического, рационализации политики и осмысления ее взаимосвязи с военной деятельностью

⁴ Степанова Е.А. Между войной и миром: мирные процессы и вооруженное насилие. М.: ИМЭМО РАН, 2023. С. 25.

был сделан Н. Макиавелли. Тем самым успех в военной кампании начал связываться не с Божественным промыслом, но с индивидуальными усилиями человека.

В политической философии Нового времени кристаллизовалась заложенная Т. Гоббсом тенденция рассмотрения войны как естественного (дополитического, доправового) состояния человечества, которое противопоставлялось политическому состоянию, основанному на рациональном правовом порядке. Вместе с тем философом не была решена проблема преодоления естественного состояния на уровне межгосударственных отношений, ставшая отправным пунктом для теоретической мысли И. Канта, И. Гёрреса, Ф. Генца, которые связывали проект «вечного мира» с реформированием сферы политического. Идея о нравственном значении войны обосновывается для Г.В.Ф. Гегеля его трактовкой государства как объективного духа.

Краеугольным камнем, на котором основан целый ряд военно-теоретических исследований и политико-философских концепций войны, следует признать трактат К. фон Клаузевица «О войне». Военным мыслителем, испытавшим влияние идей Макиавелли и немецких философов-классиков, предложено миметическое определение насилия, в соответствии с которым война представляет собой взаимодействие соперников, стремящихся навязать друг другу свою волю. Впоследствии к исследованию миметических аспектов насилия обращались такие авторы, как Г. Тард, А. Тойнби, Р. Жирар, Э. Канетти, В. Палафер, З. Бауман. Учение Клаузевица получило интерпретацию в работах Р. Арона, М. ван Кревельда, П. Парета, Н. де Варрена, Г. Хармана, А. Рапопорта, О. Розе, Г. Мюнклера, А.М. Орехова, В.К. Белозерова, А.А. Зоткина, Е.С. Соколова.

Осуществляя рецепцию тезиса К. фон Клаузевица о понимании войны как продолжении политики другими средствами, марксистская философия (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин) раскрыла классовый характер политики, лежащей в основе вооруженного противостояния государств, а также ее обусловленность существующими в обществе экономическими отношениями.

Русская религиозно-философская мысль (В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский) погружает феномен войны в этическую плоскость. Первая мировая война послужила катализатором теоретической рефлексии таких авторов, как Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.В. Розанов, В.Ф. Эрн, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, Ф.А. Степун, размышлявших об этически допустимом и оправданном насилии, его границах и включенности в социальную жизнь. События Первой мировой войны оказали влияние на теоретические взгляды и мировоззренческие ориентиры М. Шелера, М. Вебера, А. Бергсона, Г. Марселя, Э. Дюркгейма и многих других авторов, инициировали поиски истоков агрессии, укорененных в человеческой психике (З. Фрейд, К.Г. Юнг).

Особую значимость для настоящего исследования представляют работы К. Шмитта, увидевшие свет как в период *interbellum*, так и в послевоенное время, в которых представлена классическая антагонистическая модель политического, основанная на оппозиции друга и врага, прослежена эволюция войны, обусловленная процессом деполитизации общества, раскрыты пространственные аспекты трансформации вооруженного насилия.

События Второй мировой войны послужили катализатором философской рефлексии Ж.-П. Сартра и А. Камю. Период «холодной войны» ознаменован новым витком исследований феномена политического в контексте противостояния двух социально-политических систем (К. Ясперс, Х. Арендт, К. Лефор, А. Глюксманн). Для советской философии послевоенного периода характерны разработка теоретико-методологических основ военной науки, поиск объективных законов войны (С.А. Тюшкевич, И.А. Грудинин, П.И. Трифоненков, Б.И. Каверин), исследование системы «человек – военная техника» (А.Б. Пупко), героизма и воинской этики (Д.А. Волконогов, А.С. Миловидов, И.М. Сушков).

Несмотря на то, что многие выдающиеся мыслители разных эпох обращались к феномену войны, он не являлся центральной темой их исследований. В условиях господства метафизической философии, нацеленной на поиск предельного основания всего сущего, война не могла выступать в качестве ведущего объекта познания. Политическая философия в ее классических вариантах (Платон, Аристотель, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, Г.В.Ф. Гегель) не тождественна философии войны, поскольку она отказывается абсолютизировать вооруженное насилие и усматривать в нем внутреннюю телеологию, заключая его в политические границы. Лишь в современной, неклассической философии война для целого ряда авторов становится лейтмотивом теоретической рефлексии. Весомый вклад в разработку современных концепций войны внесли такие авторы, как С. Хантингтон, М. Хардт, А. Негри, М. Деланда, М. Калдор, Ж. Бодрийяр, И.С. Даниленко, Б.Н. Кашников, О.А. Бельков, Г.П. Отюцкий, В.Н. Ксенофонтов, П.В. Петрий, В.В. Кафтан, А.Д. Куманьков, А.В. Соловьев, И.Н. Сидоренко, В.А. Ксенофонтов.

К *экстрафилософским* предпосылкам концептуализации феномена войны в современной философии относятся возникновение угрозы самоуничтожения человечества в результате достигнутого уровня развития систем вооружения; масштабы вооруженного насилия, продемонстрированные в мировых войнах XX столетия; нарушение норм международного права в войнах и вооруженных конфликтах, приводящее к массовой гибели гражданского населения. Стирание границ между войной и миром приводит к пересмотру представления о войне как аномийном феномене, создавая предпосылки для появления философии войны. Шаткость границ между состояниями войны и мира, эксплицированная еще Т. Гоббсом, применительно к современности была осмыслена Е.Н. Трубецким, О. Шпенглером, Ф. Юнгером, Р. Кайуа, П. Вирильо, М. Хардтом и А. Негри. Понимание естественного состояния как неустранимого элемента государственной жизни, конститутивного для феномена политического, присуще Р. Арону, Дж. Агамбену и Ф. Анкерсмицу.

Интрафилософские предпосылки становления философии войны обусловлены имманентными процессами развития философского знания, дроблением предмета познания, характерным для постметафизической философии, необходимостью синтеза тех выводов и идей, которые были получены в рамках отдельных научных дисциплин, делающих предметом своего анализа военно-политические процессы.

Помимо собственно философских исследований к источникам, обладающим значимостью для политико-философского анализа трансформаций современной войны, относятся работы, принадлежащие военным теоретикам и содержащие обобщающие теоретические положения, осмысление предельных оснований военной деятельности, ее связи с политической организацией общества и погруженности в актуальный социокультурный контекст. В данном контексте следует упомянуть идеи А.Е. Снесарева, А.А. Свечина, А.А. Керсновского, Б.М. Шапошникова, Б. Лиддела Гарта, Е.Э. Месснера, Г. Кана, Б. Хойзер, Э. Люттвака, А.А. Кокошина.

Политико-философское и социально-философское осмысление проблемы военного насилия представлено в работах Х. Арендт, Й. Галтунга, Х. Хофмайстера, П. Боянича, А. Хирша, В.И. Спиридоновой, В.В. Денисова, С.Н. Борисова, В.П. Римского, С.В. Резника, И.Н. Сидоренко, Е.Ю. Рудкевич, В.А. Ксенофонтова, А.И. Зыгмонта, В.Г. Поваляева.

Тенденция отказа от трактовки насилия в его исключительно физическом измерении и поворот к исследованию его знаково-символического аспекта проявляется в работах Э. Кассирера, А. Грамши, М. Фуко, Дж. Ная, Э. Лакло, Ш. Муфф, С. Жижека, Г.Л. Тульчинского, И.А. Исаева. Для теоретического анализа политического мифотворчества и практик разоблачения мифологизированных политических дискурсов противника значимостью обладают работы Платона, Ж. Сореля, А.Ф. Лосева, Э. Калера, К. Хюбнера, П. Бурдые, Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси, Б. Хюппауфа, А. Ассман, М. Данн Кавелти, А.В. Жукоцкой, О.Ю. Малиновой, И.И. Глебовой.

Исследование понятия войны предполагает анализ концепта «победа», многообразие смыслов которого было раскрыто в философской и военно-политической мысли разных эпох. Показательно, что среди военных теоретиков не существовало единства как в вопросах выбора средств достижения победы, так и в определении цели ее достижения. Уже А.В. Суворов обосновывал необходимость «предпобеждения» самой войны, т.е. упреждения ее негативных последствий. Значимость не только военно-технических, но и моральных факторов в деле достижения победы подчеркивали И.Г. Фихте, К. фон Клаузевиц, Ф. Фох, А.А. Свечин, Б. Лиддел Гарт, М. ван Кревельд и многие другие авторы.

Осмысление феномена войны и – шире – истории человечества через призму перспектив победителя и побежденного осуществляется в работах К. Шмитта, В. Беньямина, Р. Козеллека, Ф. Оппенгеймера, К. Майера, М. Фуко, П. Боянича. При этом рядом авторов обосновывается положение о плодотворности и эпистемологической ценности перспективы побежденного, требующее критического анализа.

Интерес современных исследователей направлен на новые виды войн и вооруженных конфликтов, бушевавших на планете на протяжении XX столетия и представляющих угрозу в XXI веке. К исследованию привлекаются такие способы разрешения политических конфликтов, как психологические войны (П. Лайнбарджер, В.Г. Крысько), информационные войны (Ж. Бодрийяр, Г. Почепцов, А.В. Манойло, В.В. Кафтан, О.Б. Скородумова), сетцентрические войны (А. Себровски, Д. Альбертс, Дж. Гарстка, Ф. Штейн, А. Нидермайер, Л.В. Савин),

кибервойны (Д. Аркилла, Д. Ронфельдт, Т. Рид, И.Н. Глебов), гибридные войны (Ф. Хоффман, Г. Мюнклер, И.Н. Панарин, А.А. Бартош, В.М. Родачин, А.В. Соловьев), консциентальные войны (Ю.В. Крупнов, Ю.В. Громыко, Н.А. Комлева), вооруженные действия с использованием дронов (Г. Шамаю, У. Брёклинг, А.Б. Рахманов).

Теоретический анализ охватывает иррегулярные войны и вооруженные конфликты с участием парамилитарных группировок (Е.Э. Месснер, Ф.А. фон дер Хейдте, Дж. Б. Уайт, У. Линд, Г. Тиле, Д.Л. Цыбаков, Р.В. Арзуманян). Проводится политико-философское исследование феномена партизана (Р. Шрёрс, Э. Юнгер, К. Шмитт, Г. Мюнклер, Б. Барт, В.В. Кафтан, М.П. Остроменский, Е.Ю. Рудкевич, А.Ю. Черепанов). Эксплицируются особенности «постнациональной войны» в контексте трансформаций феномена политического (У. Бек).

Рассматриваются способы решения информационно-коммуникационных проблем войны (Э. Тоффлер, Х. Тоффлер). Исследуются перспективы постчеловеческих компьютерных войн (М. Деланда), автоматизации и дигитализации военной деятельности (Р. Аркин, Д. Шпрен, А.Б. Рахманов). Предметом философского анализа становится ядерная война (К. Ясперс, Б. Рассел, Ж. Деррида, Т.Н. Андреева, Н.А. Косолапов).

Весомый вклад в разработку современных концепций справедливой войны принадлежит М. Уолцеру, Н. Фоушину, П. Кристоферу, Х. Сисе. В условиях угроз террористических атак принципы справедливой войны переосмысливаются применительно к конфликтам «государство-против-не-государства» (Н. Фоушин, Б.Н. Кашников, А.Д. Куманьков).

Философская мысль не могла обойти своим вниманием такого сопряженного с ведением войн феномена, как героизм. Рефлексию по поводу нравственного значения героизма осуществляли Платон, Т. Карлейль, Г.В.Ф. Гегель, Ж. Сорель, В. Зомбарт, И.А. Ильин, Й. Хёйзинга. Импульсом для исследования особенностей постгероического общества и постгероического ведения войны послужили работы Э. Люттвака. Указанная тематика развивалась Г. Мюнклером, У. Брёклингом, Н. Леонхард (Leonhard).

Духовные факторы военной деятельности и принципы национальной безопасности России перед лицом военных угроз XXI века обоснованы в работах В.И. Пантина, В.И. Спиридоновой, П.В. Петрия, В.К. Белозерова, В.И. Лутовинова, С.С. Антюшина, В.М. Родачина, В.В. Серебрянникова, В.И. Добренкова, П.В. Агапова, Б.Н. Бессонова, А.М. Ильницкого, А.И. Конурова.

В работах Е.С. Сеньявской, В.А. Фортунатовой, В.И. Бажукова закладываются основы новой междисциплинарной научной дисциплины – военной антропологии.

Вместе с тем создание целостной теории современной войны и осмысление ее трансформаций в контексте геополитических процессов XXI века является для отечественных философов задачей будущего. Несмотря на солидное количество источников, посвященных исследованию философских проблем войны и мира, в существующей научной литературе существует ряд теоретических лакун, требующих заполнения.

Во-первых, философский анализ войны предполагает рассмотрение ее не как изолированного феномена, но в тесной взаимосвязи с другими элементами социальной и политической реальности. Вооруженная борьба является частью универсума человеческих активностей. Следовательно, плодотворным исследовательским шагом выступает, на наш взгляд, дальнейшая интеграция теоретической рефлексии войны в более широкие смысловые горизонты.

Во-вторых, философское осмысление войны предполагает обращение к междисциплинарному исследовательскому полю и синтез тех идей, которые разработаны в рамках отдельных научных дисциплин. Немаловажной теоретической проблемой является экспликация и включение в философский дискурс идей, разработанных военными теоретиками и несущих в себе философский заряд.

В-третьих, на наш взгляд, недостаточно исследованным аспектом теоретической рефлексии войны является поиск способов взаимодействия между макро- и микроуровнями анализа. Исследования, в которых вооруженное насилие представлено исключительно из макроперспективы, с позиций военачальников, являются теоретически важными, но не универсальными способами его концептуализации. Философский анализ войны должен включать в себя и обращение к жизненному миру ее рядовых участников.

Объект исследования – война как феномен социально-политической реальности.

Предмет исследования – трансформации феномена войны в его политическом, дискурсивном, пространственном, экзистенциально-антропологическом измерениях в современном обществе.

Целью диссертации выступает экспликация трансформаций феномена войны в условиях современного общества с позиций политической философии.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Экспликация теоретических оснований авторской концепции войны.
2. Определение границ вооруженного насилия и концептуальных средств их анализа в теоретических рамках политической дифференции.
3. Выявление векторов и пределов трансформации войн современности и их акторов.
4. Раскрытие роли мифа и определение сфер мифотворчества в конструировании нарративов о войне.
5. Экспликация угроз государственности в нарративах о войне, создаваемых интеллектуалами, и в дискурсивных практиках побежденных.
6. Раскрытие философского потенциала концепта *terra nullius* применительно к феноменам войны и мира.
7. Исследование особенностей пространственной эволюции современных войн.
8. Экспликация пространственных моделей города в условиях войны.
9. Выявление характерных черт феномена героизма и путей его трансформации в постгероических обществах.
10. Философский анализ феномена «невидимого врага» как реалии современных войн и его ипостасей.

Методологическая основа исследования.

Настоящее исследование основано на использовании арсенала философских методов и методологических принципов, а также междисциплинарного подхода к указанному объекту.

Осмысление феномена войны проводится в настоящей диссертации впервые в отечественной философии в контексте принципа *политической дифференции*, предполагающего разделение «политического» и «политики». Одновременно политическая дифференция позволяет разграничить предметные области политической философии и политологии. В то время как вторая из дисциплин имеет дело с эмпирическим полем политики («politics»), первая проявляет интерес не к отдельным политическим фактам, но к самой сущности политического («the political»)⁵. Тем самым политика соотносится с онтическим уровнем, тогда как политическое соответствует онтологическому. Структура политического непосредственным образом связана со структурой военной деятельности. С одной стороны, вооруженное противостояние разворачивается в определенных политических рамках. С другой стороны, война способна приводить к трансформации политического, образованию и падению суверенных государств.

Деятельностный подход к пониманию войны позволяет раскрыть ее многокомпонентный и исторически изменчивый характер, осмыслить в широком социальном горизонте в континууме прочих видов человеческой активности, эксплицировать в структуре войны комплекс миметических рядов насилия, выявить симметричные и асимметричные эффекты в военно-политическом противостоянии. Раскрытый в настоящем исследовании миметический аспект военной деятельности, в свою очередь, определяется значимой ролью мимесиса в процессах социального взаимодействия.

Герменевтический подход к феномену войны служит средством экспликации его смыслового многообразия и позволяет осуществить интерпретацию различных способов описания данного феномена и конститутивных для него элементов, представленных в текстах политических философов и военных мыслителей разных эпох.

Элементы *феноменологической методологии* используются для осмысления восприятия войны как элемента жизненного мира ее участников, свидетелей и жертв. Теоретико-методологический потенциал концепции жизненного мира Э. Гуссерля и его последователей проявляется в ее способности раскрыть особенности конституирования феномена войны в сознании ее участников; объяснить суггестивную силу политических мифов, вошедших в сферу примордиальных феноменов человеческого бытия. Установки феноменологии применяются для анализа визуальных эффектов, рождаемых технизированной войной.

Использование принципов *социального конструктивизма* (П. Бурдье, А. Лефевр, П. Бергер, Т. Лукман), разработанных для теоретического анализа социальной реальности, дает возможность предложить эвристически плодотворные неэссенциалистские способы описания феномена войны как

⁵ Mouffe Ch. On the Political. New York: Routledge, 2005. P. 8.

социального феномена, который реализуется в различных пространственно-временных измерениях. Социально-конструктивистская методология позволяет обнаружить конструктивный характер пространственных структур, которые являются элементами беллосферы; раскрыть особенности идентичности акторов современных войн и горизонты их трансформации.

Применяемая в диссертации концептуально-методологическая установка *перспективизма* позволяет эксплицировать множественный, неоднородный характер перспектив осмысления войны. Многогранный характер войны как предмета философской рефлексии рождается на пересечении множества макро- и микроперспектив. Макроперспектива представляет собой продукт сознательной рефлексии, теоретизирования, осмысления, планирования, расчета. Она находит свое выражение в военных теориях и планах военачальников. Микроперспектива есть экзистенциальная стратегия, живой опыт переживания войны ее участниками.

Перспективизм в определении конститутивных для понимания феномена войны (и в целом политического насилия) понятий проявляется в смысловых и вербальных альтернативах, которые возникают при квалификации одной и той же фигуры противоборствующими сторонами в качестве партизана или террориста, героя или предателя, революционера или мятежника. Таким образом, перспективы являются горизонтами осмысления войны, позволяющими раскрыть различные ее грани, понять ее как многовекторное противоборство, в котором значимым является не только материально-технический, но и знаково-символический аспект.

Методом, используемым в диссертационном исследовании для анализа процессов информационного противоборства, установления гегемонии в знаково-символической сфере, является *дискурс-анализ*. Применение указанной методологии позволяет эксплицировать роль в осмыслении военной деятельности различных типов дискурсов. Борьба между дискурсами противоборствующих сторон за гегемонию, в ходе которой происходит нейтрализация (демифологизация) дискурсов соперника и придание собственным дискурсам высокого эпистемологического статуса, трактуется в диссертации как неотъемлемый компонент военного противостояния.

Компаративный анализ применяется для сопоставления различных подходов, теоретических позиций, позволяющих провести комплексное исследование феномена войны.

Ввиду многогранного характера подлежащего исследованию объекта, существующего в разнообразных социально-исторических и технологических формах, в работе используются элементы междисциплинарного подхода. Кроме того, применяются и общенаучные методы исследования (анализ, синтез, классификация, систематизация, аналогия, индукция, дедукция). Комплексный подход к реализации указанных методологических принципов и установок обеспечивает необходимую полноту решения поставленных в диссертации задач.

Научная новизна диссертации заключается в политико-философском исследовании трансформаций феномена войны в современном обществе в концептуальном горизонте политического. Расширен и систематизирован

концептуально-методологический аппарат, позволяющий представить войну как интегральный элемент социальной жизни, осмыслить имманентные и налагаемые извне границы и пределы эскалации насилия. Разработана авторская концепция войны как комплексного соревнования, значимую роль в котором играют миметические и контрмиметические отношения и которое включает в себя военно-технологический, морально-волевой и знаково-символический аспекты. Раскрыты причины и механизм эскалации военно-политического насилия, которое, будучи усилено технологическими достижениями современного общества, распространяется на различные домены беллосферы.

1. Раскрыты теоретические основания авторской концепции военной деятельности, в структуре которой эксплицирован комплекс миметических и контрмиметических рядов насилия в его физическом и знаково-символическом измерениях.

2. Теоретический анализ границ войны проведен в рамках политической дифференции, основанной на разделении политического и политики. Выявлены концептуальные оси анализа границ политического насилия: смысловой потенциал концепта политического раскрыт в горизонте семантически родственных теоретических средств анализа (до-, пост- и сверхполитическое).

3. Выявлена взаимосвязь трансформаций политического и повышения значимости иррегулярных акторов войны. Раскрыт амбивалентный характер фигуры партизана как трансгрессивного феномена, который находится на границе фигур комбатанта и террориста. Эксплицированы транс- и постгуманистический векторы, а также имманентные и налагаемые извне пределы эволюции современных войн.

4. Проведен философский анализ роли мифотворчества в конструировании нарративов о войне; выявлены сферы стихийного, поэтического и политического мифотворчества. Обосновано, что антагонистическое соревнование политических дискурсов предполагает как производство латентных мифов, так и разоблачение мифологизированных нарративов соперника.

5. Раскрыт амбивалентный характер нарративов о войне, конструируемых представителями российской интеллигенции и западноевропейскими интеллектуалами. Эксплицированы причины семантических расхождений трактовок войны интеллектуалами с официальным дискурсом власти. Предложено авторское понимание условий достижения военной победы как контрмиметического акта, отсекающего возможность оперативного силового ответа со стороны соперника. Обосновано, что статус победителя в послевоенное время подвергается оспариванию в дискурсивных практиках побежденных.

6. Впервые в философский дискурс введен концепт *terra nullius* («ничья земля»), который обозначает дополитическое пространство, необходимое для конституирования политического. Выявлены возможности конструирования *terra nullius* из макро- и микроперспектив.

7. Предложен термин «беллосфера» для обозначения совокупности пространств, в которых ведутся военные действия. Раскрыты причины динамики беллосферы и синергетические эффекты, вызванные вовлечением нового пространства войны в орбиту вооруженного противостояния. Предложена

авторская трактовка киберпространства как закономерного результата эволюции беллосферы, технологического аналога *terra nullius*, который используется в политических целях при сохранении статуса дополитического.

8. Новым научным результатом является философский анализ городского пространства, вовлеченного в военные действия. Эксплицированы и исследованы пространственные модели военного города.

9. Выделены характерные черты феномена героизма и выявлены векторы его трансформации в постгероических обществах. Проведена авторская демаркация между феноменами героизма и псевдогероизма.

10. В политическую философию введен концепт «невидимый враг», выявлены и систематизированы смысловые области его использования. Определен круг феноменов, охватываемых данным концептом и относящихся к реалиям современных войн.

Положения, выносимые на защиту.

1. Военная деятельность является интегративным элементом социально-политической реальности; отличается комплексным, нелинейным, многофакторным и поливекторным характером; сочетает военно-технологический, морально-волевой и знаково-символический аспекты. Значимым и мало исследованным аспектом военной деятельности является миметическое взаимодействие ее акторов и его границы. Феномен войны включает в себя совокупность миметических и контрмиметических рядов организованного насилия в его физическом и знаково-символическом измерениях, осуществляемого акторами, преследующими политическую цель. В миметической модели военной деятельности взаимное подражание акторов выступает в качестве источника эскалации насилия и в теории подводит его к абсолютному максимуму. В рамках военного противоборства присутствуют отношения между миметическим донором и миметическим реципиентом, позиции которых являются обратимыми. Асимметрию в военную деятельность вносит контрмиметический акт, возможный как со стороны технологически более сильного, так и со стороны более слабого соперника. Антимиметическая ситуация предполагает лишение противника возможности как симметричного, так и асимметричного ответа.

2. Военной деятельности присущи как имманентные, так и налагаемые извне границы, в качестве которых могут пониматься как препятствия, так и регулятивы ее осуществления. Регулятивом военной деятельности служит феномен политического, который представляет собой трансцендентальное поле реализации политики, определяющее ее актуальные границы и возможности, а также обладающее по отношению к ней нормативным измерением. Концептуальными средствами, которые обнаруживают границы политического, выступают до-, пост- и сверхполитическое. Политическое, которое конституировано как альтернатива до- или постполитическому, обладает свойством сдерживания неограниченного насилия. В оппозиции политического и сверхполитического сдерживающим потенциалом наделяется ее второй элемент.

3. В современных условиях размываются пространственно-временные границы войн. Государство лишается монополии на осуществление вооруженного

насилия. Значимостью для анализа современных войн обладает фигура партизана – трансгрессивный элемент политического, который существует в постоянном поле притяжения между регулярным комбатантом и террористом, но полностью не сливается ни с одним из этих полюсов. Контрмиметические акции охранительного партизана являются вынужденным насилием, которое призвано остановить военное соревнование. Возрастание степени неоднородности акторов современных войн сопровождается дифференциацией стратегий и способов ведения войны. Вооруженное насилие, исходящее от лидеров научно-технического прогресса, демонстрирует тенденцию перехода на транс- и постгуманистическую стадию. Наряду с высокотехнологичными способами организации военной деятельности в современном обществе осуществляются архаичные практики насилия. В качестве пределов войны могут выступать, с одной стороны, финальная точка ее эскалации (термоядерное самоуничтожение человечества), с другой стороны, непреодолимые политические границы, приводящие к прекращению межгосударственных войн, но не вооруженного насилия как такового (идея глобального суверенитета). Перспектива хаотизации насилия в мировом масштабе напрямую связана с кризисом феномена политического, основанного на существовании системы суверенных государств.

4. Антагонистическое соревнование политических дискурсов предполагает как производство латентных мифов, так и разоблачение мифологизированных нарративов соперника. Феномен войны подвергается стихийной, поэтической и политической мифологизации. Противоборство политических дискурсов включает в себя эпистемологический, этический и эстетический аспекты. Эпистемологический аспект дискурсивного противостояния связан с борьбой за истинность и объективный статус собственных дискурсивных практик. Этический аспект дискурсивного противоборства предполагает оправдание собственных действий и этическую дискриминацию действий противника. Эстетический аспект борьбы за дискурсивную гегемонию включает в себя производство привлекательных символов собственной политической идентичности и травестирование символической сферы врага. Исторический нарратив наделяется статусом мифа в результате разоблачения его притязаний на истинность и объективность, которое обусловлено политическим, хронологическим и эпистемологическим дистанцированием от содержания данного нарратива.

5. В ситуации войны обостряется антагонизм культурного и политического, что предъявляет по отношению к интеллектуалам требование подчинения дискурсивных практик политическим целям. Интеллектуалы, признающие приоритет политического, принимают участие в производстве дискурса власти. Источником внутренних вызовов государственности является контрдискурс интеллектуалов, в котором представлена интерпретация военных событий, альтернативная официальному дискурсу власти. Конститутивным для понимания феномена войны является его различное переживание и осмысление, обусловленное позициями победителя и побежденного. Условием военной победы является контрмиметический акт, отсекающий возможность оперативного силового ответа со стороны противника. Статус победителя в войне требует постоянного поддержания посредством политических инструментов и

героических нарративов. Внешние вызовы государственности победителя могут исходить от дискурсивных практик побежденных, конституирующих асимметрию в знаково-символической сфере в ситуации проблематичности преодоления военно-политической асимметрии.

6. Концепт *terra nullius* («ничья земля»), имеющий международно-правовое происхождение, может быть экстраполирован в область философского знания и использоваться для описания регионов насилия и мирного взаимодействия. «Ничья земля» применительно к истории европейской колониальной экспансии – это пространство, свободное от действия европейских правовых норм и открытое для неограниченного насилия. *Terra nullius* представляет собой дополитическое пространство, которое необходимо для конституирования и функционирования политического. На макроуровне анализа «ничья земля» есть исходный топос формирования новых социальных и культурных отношений, область, в рамках которой не действуют сложившиеся социальные нормы. В качестве микропространства *terra nullius* воплощается в феномене «нейтральной полосы», границы между «своим» и «чужим», конститутивной для жизненного мира участников войны. Концепт *terra nullius* может употребляться не только в пространственном, но и во временном значении, обозначая некий «нулевой» период истории, до- или внеисторическое состояние общества, открытую для реализации культурно-исторических смыслов потенциальность.

7. Эволюция войн обнаруживает тесную связь с пространственными факторами. В орбиту военной деятельности вовлекаются как новые географические регионы, так и новые виды пространств. Конституирование нового пространства войны, во-первых, выполняет функцию сдерживания военного насилия на определенных территориях с уже сложившимися политическими границами и международно-правовыми нормами, и, во-вторых, позволяет достичь синергетических эффектов военной деятельности. В современных условиях социосфера (природное пространство, населенное и освоенное человечеством) может функционировать в качестве беллосферы (пространства, предназначенного для ведения войн). В условиях отсутствия на территории Земли физического пространства, претендующего на статус *terra nullius*, нерегламентированные международно-правовыми нормами политические конфликты разворачиваются в киберпространстве. Последнее выступает в качестве элемента эволюции беллосферы, который обеспечивает взаимосвязь различных доменов физического пространства и способствует тем самым повышению эффективности военной деятельности.

8. Город является стратегически значимым объектом военных действий, даже в мирное время не свободным от военных рисков и угроз. Мирный город – это открытая полидискурсивная система, находящаяся в состоянии перманентного взаимодействия с внешней средой. Физическое и символическое пространство города во время войны подвергается трансформациям. В условиях войны городское пространство утрачивает присущие ему черты открытости, полидискурсивности и трансграничности. К пространственным моделям военного города относятся: осажденный город; город, подвергающийся авиабомбардировке (крайняя форма реализации данной модели предполагает термоядерную атаку);

город, на территории которого идут боевые действия; оккупированный город; разрушенный город. Предельным вариантом деструктивного влияния войны на городское пространство является приведение его к небытию – урбицид.

9. Условием героического поведения выступает включение человеческого бытия в соответствующую ситуацию, в которой происходит раскрытие его духовного потенциала. Героизм представляет собой дар, не ориентированный на соразмерное отдаривание. Героическое поведение не вписывается в парадигму обмена и конституирует социальную и экзистенциальную асимметрию, не предполагающую симметричного ответа. Героическое событие опосредовано конструирующими его нарративами. В постгероических обществах, к которым принадлежат технологически развитые западные общества, утрачиваются характерные черты героизма и культивируются псевдогероические образцы поведения, что отражается и на ведении военных действий. В постгероических обществах происходит конституирование форм героизма, не связанных с воинской доблестью («героизм будней», «поп-героизм», нарративы о «супергероях»). В отличие от псевдогероизма, подлинный героизм может быть подвергнут десакрализации и этическому травестированию.

10. Теоретически плодотворным инструментом анализа войн и политических конфликтов является концепт «невидимый враг». Технологии ведения войны связаны с обретением физической (не)видимости, которая основана на достижении предела перцептивной (не)различимости объектов. Символическая невидимость предполагает деполитизацию актора войны и его ресимволизацию в качестве гражданского объекта. Феномен невидимого врага может проявляться в таких ипостасях, как жертва и источник насилия, боец и разведчик, коллективный и индивидуальный субъект. Ответом на разработку стратегий маскировки/обретения невидимости военных объектов служит появление новых способов их визуализации. Феномен «невидимого врага» присутствует в асимметричных вооруженных конфликтах с использованием беспилотных летательных аппаратов, которые применяются в целях осуществления таргетированного насилия. В конфликтах подобного типа разрушается традиционная идентичность комбатантов «убивающий – убиваемый» и формируется расколота идентичность их акторов с надежно защищенным от смертельных рисков и угроз комбатантом с одной стороны и с его беззащитной жертвой с другой. Отсутствие ипостаси убиваемого способствует изъятию из двойного тела комбатанта сверхчувственного политического тела.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования. Значимость исследования обусловлена необходимостью активного теоретического осмысления феномена войны в рамках проблемного поля социальной и политической философии. В связи с геополитической нестабильностью, охватившей современный мир, внешними вызовами и угрозами российской государственности политико-философская мысль стоит перед задачей комплексного анализа военной деятельности в ее взаимосвязи с социально-политическими процессами. Настоящее исследование призвано восполнить определенные пробелы в отечественной философской мысли, связанные с недостатком специальных работ, посвященных теоретическому

анализу феномена современной войны. Понятийно-категориальный аппарат, используемый в диссертации, призван способствовать более глубокому осмыслению военно-политических процессов современности. Выводы диссертации могут быть использованы для дальнейшего философского анализа сущности, структурных особенностей, акторов и векторов трансформации военной деятельности. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования полученных результатов в принятии решений, касающихся ряда политических и социальных вопросов в современном российском обществе. Осуществленное в диссертации раскрытие военной деятельности как комплексного, многоаспектного феномена, включенного в социально-политический контекст, способствует достижению стабильного и безопасного будущего.

Материалы исследования могут найти применение при разработке образовательных программ и чтении лекционных курсов по дисциплинам «Философия», «Социальная философия», «Политология», «Социология», «Основы российской государственности». Результаты диссертационного исследования использовались автором в процессе преподавания дисциплин «Философия», «Политология», «Социология», «Основы российской государственности» для студентов Самарского государственного технического университета; «Кибервойна: специфика и акторы» для магистрантов Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева; в рамках просветительских мероприятий (лекториев) Центра «Знание СамГТУ» Самарского регионального отделения Российского общества «Знание».

Соответствие паспорту специальности. Область диссертационного исследования соответствует номенклатуре специальности 5.7.7 – Социальная и политическая философия, в частности, пунктам: 30 – «Солидарность и конфликт как проблемы социальной философии. Конфликт как социальный феномен. Истоки конфликтов, типы и пути разрешения конфликтов. Конфликтология в философском контексте», 40 – «Глобализация, проблемы глобальных исследований, глобализация как социальное явление и процесс, глобальные проблемы современной цивилизации», 50 – «Метатеоретические исследования политики», 51 – «Концепт политического, возможность и условия возникновения и самоосуществление политики, рациональные и иррациональные начала политики», 55 – «Соотношение целей и средств в политике, взаимодействие политики и морали, политики и права, политики и экономики», 56 – «Человек как объект и субъект в политике. «Homo politicus» в современном обществе. Интеллектуалы и власть», 58 – «Политическая философия власти и государства», 59 – «Философские исследования политической динамики».

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 80 научных работ, в том числе одна индивидуальная монография, главы в 3 коллективных монографиях, 25 статей в журналах из Перечня ВАК РФ.

Результаты диссертационного исследования были представлены на *международных* конференциях: «Патриотизм: история, современность, образ будущего» (Ульяновск, 2015), «Родное и вселенское: Мировое значение русской литературы. Философские, идейно-эстетические традиции, национальное

своеобразие» (Ульяновск, 2016), «Патриотизм как объединяющая национальная идея. Международная научно-практическая конференция, посвященная 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина» (Ульяновск, 2016), «Творчество и культура в свете философской рефлексии. Творчество культуры и культура творчества» (Ульяновск, 2018), «Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания» (Минск, 2018), «Социальные технологии в глобализирующемся мире: теория и практика» (Минск, 2018), «Родное и вселенское: Национальное своеобразие и мировое значение русской литературы (эстетика, традиции, этнотопика)» (Ульяновск, 2019), «Пятые Лемовские чтения» (Самара, 2020), «Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития» (Минск, 2020), «Человек в информационном обществе» (Самара, 2021, 2023, 2025), «История. Семиотика. Культура» (Самара, 2021), «Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси» (Минск, 2021), «Интеллектуальная культура Беларуси: проблемы интерпретации философского наследия и современные задачи гуманитарного знания» (Минск, 2022), «Культурно-цивилизационный кризис в условиях информационного общества» (Витебск, 2022), «XXVI Вавиловские чтения» (Йошкар-Ола, 2022), «Интеллектуальная культура Беларуси: гуманитарная безопасность в условиях глобальных вызовов» (Минск, 2023), «Седьмые Лемовские чтения» (Самара, 2024), «Инновационные технологии и искусственный интеллект: технико-технологические, социально-экономические и философские проблемы» (Самара, 2024), «Цивилизационная и культурная идентичность: многообразие измерений» (Самара, 2024), «Диалектическая методология в системе трансдисциплинарных исследований» (Минск, 2024), «Мировоззренческая парадигма в философии: принцип рациональности и его конкуренты» (Нижний Новгород, 2025), «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. в социальной памяти и современных реалиях» (Москва, 2025), «Современная наука и новые общественные вызовы» (Самара, 2025), «Колпаковские чтения» (Самара, 2025), «Философские и методологические проблемы исследования российского общества» (Москва, 2025), «Философия победы (К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне)» (Санкт-Петербург, 2025), «Мировоззренческая парадигма в философии: диалектика движения, развития и техноэволюции в человеческой деятельности» (Нижний Новгород, 2026), «Философское знание в цифровую эпоху» (Минск, 2026); на *всероссийских конференциях с международным участием*: «Социальная жизнь как единство разнородных состояний» (Ульяновск, 2014), «Диагностика современности: глобальные вызовы – индивидуальные ответы» (Самара, 2018), «Русская революция и современный мир» (Нижний Новгород, 2018), «Социальная справедливость: утопии и реалии» (Нижний Новгород, 2020), «Достоинство человека: основания, перспективы, угрозы» (Нижний Новгород, 2021), «Мировоззренческие ориентиры постнеклассической науки» (Самара, 2021), «Родина, которой присягали...» (Нижний Новгород, 2022), «Конфликт идеологий: философские, социально-политические и культурно-исторические аспекты» (Самара, 2022), «Постнеклассическая наука и

новые общественные вызовы» (Самара, 2023); на *всероссийских* научных конференциях: «Общество в различных измерениях» (Ульяновск, 2016), «Человек на изломах истории» (Нижний Новгород, 2023), «Колпаковские чтения» (Самара, 2024), «Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания. Пространство свободы» (Ижевск, 2025), «Цивилизационная и культурная идентичность России: западники, славянофилы и евразийцы» (Самара, 2025), «История мировых цивилизаций. Духовно-нравственные ценности как фактор развития общества» (Красноярск, 2025); в рамках *круглого стола* «Этика войны в православной армии: исторический опыт взаимодействия государства и церкви» (Екатеринбург, 2020); на *методологических семинарах*: кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета (Самара, 2023, 2025), кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий (Уфа, 2023), на *теоретических семинарах*: кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, 2016), Института философии НАН Беларуси (Минск, 2018).

Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет».

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав (четырнадцати параграфов), заключения, списка литературы, включающего 461 источник, в том числе 131 источник на иностранных языках. Общий объем диссертации – 394 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность темы исследования; исследуется степень научной разработанности избранной темы; формулируются объект, предмет, цель и задачи диссертационной работы; указывается методологическая основа исследования; раскрывается научная новизна диссертации; формулируются положения, выносимые на защиту; обосновывается научно-теоретическая и практическая значимость исследования; указывается степень апробации результатов диссертации.

В первой главе **«Миметический аспект военной деятельности и феномен политического»** раскрывается комплексный характер военной деятельности, в структуре которой эксплицируются миметические отношения. Обосновывается авторское понимание войны как совокупности миметических и контрмиметических рядов насилия. Эксплицируется взаимосвязь способов ведения войны и ее акторов с трансформацией структуры политического. Исследуются стратегии иррегулярных акторов, приобретших значимость в войнах современности. Раскрываются пути и пределы эволюции высокотехнологичной войны.

В параграфе 1.1. **«Проблема эскалации насилия и миметические ряды в структуре военной деятельности»** с опорой на работы К. фон Клаузевица, Г. Тарда, Р. Жирара, Э. Канетти, З. Баумана и др. теоретиков, рассмотрена

способность миметического соперничества выступать источником эскалации насилия и предложено авторское понимание военной деятельности. К анализу привлечены «лестницы эскалации», разрабатываемые в военной теории. Обосновано, что миметическая спираль эскалации вооруженного насилия не подчиняется жесткой линейной логике. Она сопряжена с постоянным чередованием статусов победителя и побежденного, а также предполагает наличие «побочных» рядов вооруженного противостояния, возможностей асимметричного ответа на вызовы противника.

Военная деятельность трактуется в диссертации как организованное вооруженное насилие в его физическом и знаково-символическом измерениях, осуществляемое акторами, преследующими политическую цель. Онтологическая неравноценность сторон вооруженного конфликта заключается в том, что он разворачивается между тем, кто создает модели для подражания (миметическим донором), и подражающим, вынужденным заимствовать эти модели (миметическим реципиентом), роли которых являются обратимыми. Выход военной деятельности за пределы уже освоенного пространства требует совершения контрмиметического акта, дающего конкурентные преимущества в ведении войны и приводящего к асимметризации военно-политического противостояния. Контрмиметический акт представляет собой размыкание ряда действий, укладываемых в установленную модель «вызова и ответа», и может исходить как со стороны технологически более сильного, так и со стороны более слабого противника. Комплекс контрмиметических актов образует контрмиметический ряд практик вооруженного насилия, смысл конституирования которого заключается в достижении военно-политического доминирования. Антимиметическая ситуация предполагает лишение противника возможности как симметричного, так и асимметричного ответа.

Диссертантом выделяются критерии классификации войн. Обосновано, что традиционная классификация войн основана на следующих факторах: а) конститутивные элементы военной деятельности; б) ее пространственно-временные параметры; в) этические и международно-правовые аспекты военной деятельности. Приведенные критерии классификации войн уточнены с позиций развиваемой в диссертации концепции войны.

Подчеркивается, что авторское понимание войны как совокупности миметических и контрмиметических рядов организованного и политически детерминированного насилия основано на признании: а) комплексного, нелинейного, многофакторного и поливекторного характера феномена войны как интегративного элемента социально-политической реальности; б) значимой роли миметических отношений в социальной жизни в целом и военной деятельности в частности; в) сочетания военно-технологического, морально-волевого и знаково-символического аспектов в военно-политическом противостоянии.

В параграфе 1.2. «Границы войны и феномен политического» доказано, что военной деятельности присущи как имманентные ей, так и налагаемые извне границы. В первом случае границы понимаются в качестве *препятствий* осуществления военной деятельности, которые приводят к ослаблению исходного импульса насилия. Диссертантом эксплицированы природно-географические,

антропологические, технологические ограничители войны. Во втором случае в качестве границ военной деятельности понимаются *регулятивы* ее осуществления, имеющие социальное или политическое происхождение.

Феномен политического призван служить определению границ насилия, существующих в обществе. Концепт «политическое» трактуется в диссертационном исследовании как трансцендентальное поле реализации политики, которое определяет ее актуальные границы и возможности, а также обладает по отношению к ней нормативным измерением. Политика определяется как совокупность действий, осуществляемых институционально оформленными социальными общностями или их представителями в публичном пространстве, направленных на достижение конкурентных преимуществ в соревновании с другими акторами и определяемых целями государства, международных или внутригосударственных общественных организаций и движений. Если в процессе политической борьбы каждый из акторов стремится занять доминирующее положение, то политическое задает условия и рамки этой борьбы. В диссертации выявлены семантические оппозиции «политическое – дополитическое», «политическое – постполитическое», «политическое – сверхполитическое», исследование каждой из которых вносит вклад в раскрытие проблемы границ насилия.

Если дополитическое насилие представляло собой «войну всех против всех» (Т. Гоббс), то конституирование феномена политического предполагает установление границ и сдерживающих факторов насилия. Ограничивая политическое насилие в отношении подданных государства, Т. Гоббс выстраивает этатоцентристскую концепцию политического, оставляя «за скобками» проблему регламентации межгосударственного насилия. В концепции К. Шмитта конститутивной для феномена политического является категория врага. Гештальт политического врага является условием существования политического мира в качестве плюриверсума – совокупности суверенных политических единств. Отношение к врагу, релевантное для Шмиттовой политической философии, обозначается в диссертации как «удерживающее отрицание». Борьба против законного врага (*justus hostis*) удерживает стихию войны в определенных рамках, предотвращая ее перерастание в абсолютное насилие. Обоснована амбивалентность Шмиттовой трактовки политического, обусловленная отказом от его субстанциалистского понимания в пользу его модели, основанной на принципе интенсивности (*Intensitätsmodell*). Показано, что оппозиция друга и врага у Шмитта сохраняет свое позитивное политическое значение при открытой возможности ее конституирования. Политическое, понятое в своем нормативном измерении, должно быть организовано как инклюзивный антагонизм. К. Ясперс настаивает на недопустимости абсолютизации политического и необходимости его подчинения сверхполитическому, которое, в свою очередь, должно обладать автономией и регулятивной ценностью для политики. В качестве направляющих функционирование политических институтов сверхполитических феноменов философом выделяются нравственная идея и жертвенность.

Проведенный в диссертации компаративный анализ неантагонистической (У. Бек) и антагонистической (Ш. Муфф) моделей политического позволяет

сделать вывод о преждевременности попыток провозглашения постполитической эпохи, которая исключала бы противостояние «друзей» и «врагов». Процессы деглобализации, которые выступают тормозом беспрепятственного и мягкого утверждения однополярного мирового порядка, свидетельствуют об устойчивости феномена политического в его антагонистическом измерении и демонстрируют актуальность его новой философской рефлексии.

В параграфе **1.3. «Иррегулярная война: феномен партизана»** обосновано, что нелинейная тактика ведения боя, свойственная партизанским отрядам, перестает рассматриваться в качестве маргинальных военных действий и получает широкое распространение в войнах современности. На материале работ Ф.И. Глинки и Д.В. Давыдова показано, что применительно к реалиям Наполеоновских войн партизанские боевые действия, ведущиеся представителями регулярной армии, носили статус вспомогательных по отношению к действиям линейных войск. Подчеркнута роль партизан в Великой Отечественной войне, в национально-освободительных движениях, охвативших ряд государств в XX веке. Раскрыты основы концепции партизанской войны Мао Цзедунa.

Партизан рассматривается в диссертации как специфический политический тип, сочетающий в себе черты целой совокупности отдельных конкретно-исторических феноменов. Фигура партизана размыкает рамки узкого понимания политического как структуры, образованной национальными государствами. Предложена авторская интерпретация характеристик партизана, эксплицированных К. Шмиттом (иррегулярность, политическая вовлеченность, мобильность, теллурический характер).

Аргументировано, что феномен партизана – фигура перехода, трансгрессии, существующая в постоянном поле притяжения между регулярным комбатантом и террористом, но полностью не сливающаяся ни с одним из этих полюсов. В контрмиметических акциях партизана проявляется его иррегулярная тактика, которая выступает средством компенсации его слабой военно-технологической оснащенности и отсутствия армейской выучки. Проведено сравнение фигур партизана и террориста. Действия охранительного партизана характеризуются как вынужденное насилие, которое призвано приблизить победу собственного государства и тем самым положить предел военному противоборству. Террористические акты, напротив, учреждают новые ряды физического и символического насилия, которые не могут быть легитимированы военной или экзистенциальной необходимостью.

Сделан вывод о том, что концептуализация феномена партизана свидетельствует об изменении его онтологического статуса в структуре политического. Если государство трактуется в качестве основного элемента политического, то партизан как «незаконный враг» занимает маргинальное положение в дискурсе о войне. Политико-философская проблематизация феномена партизана является следствием трансформации политического и включения в него негосударственных акторов.

В параграфе **1.4. «Современная война и ее акторы: векторы и пределы трансформации»** показано, что наряду с возрастанием степени неоднородности акторов современных войн в мире происходит дифференциация стратегий и

способов ведения войны. Проанализированы политико-философские концепции, в которых раскрыты векторы трансформации современной войны. В теоретической мысли возникают оппозиции «новых» и «старых» войн (М. Калдор, Г. Мюнклер), «тринитарных» и «нетринитарных» войн («конфликтов низкой интенсивности») (М. ван Кревельд), рассматриваются процессы утраты войной статуса экстраординарного события (М. Хардт, А. Негри).

Вооруженное насилие, исходящее от лидеров научно-технического прогресса, демонстрирует тенденцию перехода к транс- и постгуманистическому противостоянию. Применительно к ведению войны трансгуманистический вектор предполагает устранение очагов потенциальной аномии, источником которых является человек. Повышению эффективности военной деятельности призваны служить используемые сегодня полуавтоматические системы, такие как дроны, роботы, системы управления на тактическом и оперативном уровнях, а также «умные» боевые костюмы. В диссертации разграничиваются защитная и деструктивная функции трансгуманистических преобразований. Постгуманистическая перспектива предполагает полное устранение человека как источника многочисленных «трений», затрудняющих военную деятельность, из войн будущего и делегирование человеческих функций автоматическим системам, способным к автономному принятию решений. Лидеры военно-технологического соревнования встречаются с вызовами, исходящими от аутсайдеров, использующих неконвенциональные методы борьбы (парадокс Давида и Голиафа).

Проанализировав векторы трансформации современной войны, диссертант осуществляет рефлексию ее пределов. От абсолютного предела войны, делающего невозможным ее дальнейшее существование (как и существование человечества в целом), следует отличать пределы ее технологической эффективности. В первом случае речь идет о достижении войной непреодолимой границы, устраняющей ее онтологическую возможность. Во втором случае подразумевается устранение ограничителей военной деятельности, приводящее к достижению ею максимальной степени эффективности. Абсолютный военно-технологический предел войны предполагает достижение антимиметической ситуации, при которой противник навсегда лишается возможности возобновить миметическую гонку. В диссертации обосновано, что рефлексия пределов войны, понимаемых в качестве ее непреодолимых границ и вместе с тем устраняющих ее факторов, замыкается в «порочном круге» двух полюсов: возможности самоуничтожения человечества в ядерной войне и утопического политического сценария достижения условного «вечного мира». Делается вывод о том, что война в различных ее формах в условиях кризиса феномена политического, основанного на суверенитете отдельных национальных государств, перестает быть свидетельством социальной аномии и приобретает характер перманентной характеристики социального бытия.

Во второй главе **«Нарративные стратегии войны: политико-философский анализ»** феномен войны исследуется в контексте знаково-символического противостояния политических акторов. Соревнование противников в военно-технической сфере сопровождается борьбой за достижение

доминирования в сфере дискурсивных практик. Утверждение собственных дискурсивных практик предполагает отстаивание их эпистемологической достоверности и разоблачение мифологизированных дискурсов противника. Эксплицируются особенности нарративов о войне, авторами которых являются западноевропейские интеллектуалы и представители российской интеллигенции. Анализу подвергаются амбивалентность концепта «победа» и особенности исторических нарративов, создаваемых побежденными.

В параграфе **2.1. «Мифотворчество в нарративах о войне»** диссертантом разграничиваются три области мифотворчества, релевантные современному обществу и напрямую связанные с феноменом войны. Во-первых, речь идет о стихийной мифологизации сознания людей, которая проявляется в условиях военного времени и проблематизация которой стала возможной путем обращения к опыту переживания событий мировых войн их участниками и очевидцами. Особенности сферы стихийного мифотворчества проанализированы на материале идей З. Фрейда, Э. Кассирера, Э. Канетти, К.Г. Юнга. Иррациональный страх современного человечества перед непредсказуемыми последствиями технического прогресса воплощается в нарративах о киберкатастрофах. Во-вторых, эксплицирована поэтическая мифологизация, которая имеет авторский характер и представлена в литературно-художественном творчестве, но оказывает влияние на политические процессы. Феномен войны, будучи элементом художественного дискурса, эстетизируется в ущерб эпистемологической достоверности репрезентируемых им событий. Мифологизация проигранной войны и ее участников присутствует в творчестве Э. Юнгера, для которого характерна героизация и эстетизация побежденных. В-третьих, исследована сфера современного политического мифотворчества, которая включает в себя не только конструирование политических мифов, но и практики разоблачения претендующих на истинность мифологизированных нарративов соперника.

Противоборство в сфере производства дискурсов включает в себя эпистемологический, этический и эстетический аспекты. Первый из них связан с борьбой за историческую и политическую истинность и объективность собственных дискурсивных практик. Второй аспект дискурсивного противостояния предполагает оправдание собственных действий и этическую дискриминацию действий противника. Дискурсивное соревнование предстает как спор за право установления критериев этических оценок в сфере политического. Третий аспект борьбы за дискурсивную гегемонию включает в себя производство эстетически привлекательных символов собственной политической идентичности и травестирование символической сферы врага. В диссертации обосновано, что условием обретения политическим мифом своей действенной силы служит его вхождение в сферу непроблематизируемых феноменов, составляющих жизненный мир человека.

Для перспективы победителя не характерно рассуждение о событиях собственной военной истории с привлечением термина «миф». Для перспективы побежденного, напротив, свойственно покаянное отречение от мифов собственного государства, проявивших свою неэффективность в реализации определенных политических целей. Исторический нарратив наделяется статусом

мифа в результате разоблачения его притязаний на истинность и объективность, которая вызвана политическим, хронологическим и эпистемологическим дистанцированием от содержания данного нарратива. Определение исторического нарратива в качестве политического мифа свидетельствует о стремлении к его опровержению.

В параграфе **2.2. «Феномен войны в нарративах интеллектуалов»** обосновано, что война требует как от интеллектуальной элиты, так и от всего общества критичной работы в области культурной селекции – строгого отбора тех элементов чужой культуры, которые не могут нанести вред своей. Четкое определение горизонтов развития национальной культуры в условиях военных угроз служит условием ее дальнейшего бытия.

В контексте политико-культурного антагонизма с акцентом на работы российских философов, созданных под влиянием событий Первой мировой войны (В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин, В.Ф. Эрн, Ф.А. Степун), раскрываются причины расхождения оценки военных событий в творчестве интеллектуалов (интеллигенции) и в официальном дискурсе власти. Во-первых, для ряда представителей мыслящего класса характерна нейтрально-аполитичная или откровенно антимилитаристская установка, неприятие им конкретной военной кампании или войны как таковой. Во-вторых, свою миссию интеллектуалы, в противоположность строгой культурной политике государственной власти во время войны, могут усматривать в отстаивании принципов гуманизма и в защите универсальных ценностей, находимых ими в том числе в культурном наследии вражеской стороны. В-третьих, следует принять в расчет феномен так называемого воина-интеллектуала, обладающего личным опытом переживания военных событий. В-четвертых, интеллектуалы могут демонстрировать зависимость от инокультурного наследия, которая препятствует реализации политических целей государства. Диссертант подчеркивает, что последствия заимствований в культурной сфере могут оказаться пагубными и для военно-политического противостояния.

Интеллектуалы, признающие приоритет политического перед культурным, принимают участие в производстве дискурса власти. Источником внутренних угроз государственности может стать контрдискурс мыслящего класса, который является свидетельством непризнания приоритета политического перед культурным. Российская интеллигенция, для которой нравственные искания традиционно играли смысло-жизненную роль, движима поиском нравственного смысла победы.

В параграфе **2.3. «Амбивалентность победы и нарративные стратегии побежденных»** раскрывается комплексный характер события победы, которое, с одной стороны, представляет собой финальную точку военного противостояния, а, с другой стороны, – начало нового этапа взаимоотношений победителя и побежденного. Аргументировано, что условием военной победы является контрмиметический акт, отсекающий возможность оперативного силового ответа со стороны соперника.

Теоретическому анализу подвергается тезис ряда авторов (К. Шмитт, Р. Козеллек, К. Майер), которые обосновывают право на исторический дискурс

побежденного. Апология дискурса побежденного, принадлежащая К. Шмитту, имеет экзистенциально-личностное измерение и демонстрирует методологическое отторжение универсалистских проектов истории. Апеллируя к историческому дискурсу побежденных, Р. Козеллек раскрывает взаимосвязь изменения опыта (Erfahrungswandel) и смены метода (Methodenwechsel) исторической науки. Показано, что претензия побежденного на эпистемологическую ценность собственного исторического дискурса представляет собой способ конституирования дискурсивной асимметрии в ситуации проблематичности преодоления военно-политической асимметрии.

В диссертации подчеркивается, что победитель посредством политических инструментов должен использовать плоды своего военного успеха так, чтобы жертвы, принесенные во имя государственного целого, были не напрасны. Не только война, но и послевоенное время проверяет на прочность политический статус победителя, который в ситуации *post bellum* может лишиться своего статуса. Непризнание побежденными собственного поражения может иметь значимые политические последствия, приводя, в предельном случае, к разжиганию новой войны. Право побежденных писать историю – это не только возможность вдумчивой рефлексии собственных неудач, преследующая научные цели, но и шанс в ситуации *post bellum* продолжить противостояние, которое уже было завершено на полях сражений. Таким образом, победитель должен проявлять особую зоркость в отношении дискурсивных практик побежденного, воздействие которых может сказаться не только в духовной, но и в политической сфере.

В третьей главе **«Война в контексте пространственных трансформаций: эволюция современной беллосферы»** в осмысление феномена войны вносится пространственное измерение. С целью исследования распределения практик насилия в политическом пространстве вводится концепт *terra nullius*, раскрываются его философские смыслы на макро- и микроуровне анализа. Прослеживаются особенности эволюции современной беллосферы, раскрывается значение интеграции в ее структуру новых пространств войны. Эксплицируется взаимосвязь киберпространства как нового домена ведения войны с другими доменами беллосферы. Выявляются трансформации городского пространства в условиях войны и пространственные модели военного города.

В параграфе 3.1. **«Terra nullius как топос войны и мира»** в контексте идей «пространственного поворота» раскрыта многомерность концепта *terra nullius* («ничья земля»), который, будучи экстраполирован в философский дискурс из области международного права, может использоваться для исследования пространственных трансформаций войны. «Ничья земля», понимаемая в исторической ретроспективе применительно к истории европейской колониальной экспансии, – это пространство, свободное от действия европейских правовых норм и потому подлежащее «открытию», установлению в нем новых отношений власти, реорганизации и упорядочению. Ограничивая область подобных «свободных пространств», европейские государства очерчивали тем самым территорию, в пределах которой легитимировалось безоглядное

применение насилия, и переносили на нее всю тяжесть внутриевропейских конфликтов.

Обосновано, что концепт *terra nullius* обозначает неоформленный, неупорядоченный, нерасчлененный топос социального пространства, обладающий свойствами открытости и потенциальности. «Ничья земля» представляет собой лауну в определенной интерпретационной модели реальности, незаполненный смыслами элемент в структуре социального пространства. Подобная пространственная лауна подлежит ассимиляции со стороны отношений власти и встраиванию в систему иерархий, циркулирующих в социальном пространстве, что способствует поддержанию равновесия всей системы или приводит к ее реорганизации. Исследование физической территории в качестве *terra nullius* призвано прояснить, как эта территория аккумулирует социальные смыслы и влияет на динамику социальных отношений.

С точки зрения диссертанта, *terra nullius* представляет собой дополитическое пространство, которое необходимо для конституирования и функционирования политического. На макроуровне анализа *terra nullius* есть исходный топос конституирования новых социальных и культурных отношений, область, в рамках которой не действуют сложившиеся социальные нормы. Сконструированная из макроперспективы, «ничья земля» представляет собой пространственную область, вовлеченную в сферу государственных интересов и значимую для феномена политического. Эта область выходит за границы конвенциональных политических и правовых норм и потому подлежит захвату либо представляет собой арену ничем не регламентированного насилия, анклав дополитического (естественного состояния) в политически оформленном мире. Понимаемая в качестве микропространства *terra nullius* выступает в качестве «нейтральной полосы», границы между «своим» и «чужим», обладающей собственной онтологией и конститутивной для жизненного мира участников войны.

Жизнеутверждающее значение концепта *terra nullius* обнаруживается в его способности употребляться не только в пространственном, но и во временном значении, обозначая некий «нулевой» период истории, чистую потенциальность, открытую для будущего. Применительно к российскому социокультурному контексту «ничья земля» понимается не как территория, предназначенная для эксплуатации и культурной экспансии, но как пространство возможностей и еще не реализованных исторических шансов.

В параграфе **3.2. «Пространственная эволюция современных войн: от географического пространства к киберпространству»** прослеживается эволюция войн в современном обществе, которая связана со способностью человечества осваивать новые пространства для их ведения.

Диссертант обосновывает, что милитаризация новых пространственных областей (как отдельных географических регионов, так и новых видов пространства) обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, появление нового пространства войны выполняет функцию сдерживания военного насилия на определенных территориях с уже сложившимися политическими границами и международно-правовыми нормами, там, где ведение войны представляется

нежелательным, проблематичным или невозможным. Во-вторых, использование нового пространства для ведения войны объясняется необходимостью повысить эффективность военной деятельности, поскольку боевые действия на уже освоенных территориях с использованием предназначенных для них видов оружия могут отличаться низкой интенсивностью и результативностью. Вовлечение нового пространства в театр военных действий в этом случае не отменяет и не сглаживает остроты старых конфликтов, но, напротив, порождает синергетические эффекты военной деятельности, когда действия в одной пространственной сфере интенсифицируются и усиливаются благодаря технологическому использованию ресурсов нового пространства.

Милитаризация новой пространственной сферы, доступная лидерам военно-технической гонки и вносящая асимметрию в военное противостояние, трактуется диссертантом как контрмиметический акт, размыкающий существующие миметические ряды военной деятельности. Актор, осуществивший милитаризацию нового пространства войны, обеспечивает и укрепляет свое доминирование в военно-политическом соревновании, становясь донором миметических практик, на основе которых впоследствии конституируются новые миметические ряды насилия.

В современном мире военное противоборство может разворачиваться не только в естественной, природной среде, но и в искусственно сконструированном пространстве – киберпространстве. Сегодня наряду с угрозой конвенциональных войн и вооруженных конфликтов, по-прежнему охватывающих отдельные регионы земного шара, человечество сталкивается с принципиально новой для себя угрозой кибервойны. Обосновано, что война в цифровую эпоху не утрачивает пространственного измерения. Киберпространство не только обладает внутренней топологией, но и не существует в отрыве от физического пространства. Киберпространство трактуется в диссертации как закономерный результат пространственной эволюции войн.

В параграфе **3.3. «Киберпространство как элемент беллосферы»** показано, что война трансформирует уже освоенные и заселенные территории так, что по сути вся социосфера (природное пространство, населенное и освоенное человечеством) может функционировать в качестве беллосферы (пространства, предназначенного для ведения войн).

В современных условиях отсутствия нейтральной территории, предназначенной для ограждения от политического насилия тех пространственных областей, где должны воцариться долгосрочные мирные отношения, любой территориальный конфликт может иметь глобальные последствия. В обозначенных условиях военные действия перемещаются в новые пространственные сферы, охваченные человеческой активностью.

Киберпространство, с одной стороны, может быть рассмотрено как структура, которая обеспечивает взаимодействие существующих областей беллосферы и содействует тем самым повышению эффективности военной деятельности. С другой стороны, киберпространство само по себе является активной ареной конфликтов, требующих пристального изучения.

Кибервойна как принципиально новый тип военного противоборства отличается от традиционных войн целым рядом факторов. Во-первых, действия в киберпространстве не предполагают разграничения понятий «военное» и «гражданское». Во-вторых, следует учитывать сложность идентификации источников кибератак и связанную с ней проблематичность определения этической и политической ответственности за причиненный в результате кибератаки ущерб (который является непропорциональным по отношению к примененным для ее совершения усилиям). В-третьих, последствия кибервойны не ограничиваются деструктивными действиями в киберпространстве. Кибератаки позволяют нанести ущерб объектам противника, выходящим за пределы кибердомена. Возможность опосредованного насилия, которая обеспечивается интеграцией кибертехнологий в традиционные домены беллосферы, оправдывает применение термина «война» к ряду операций в киберпространстве.

В диссертации предложена трактовка феномена киберпространства как современного аналога «ничьей земли» (*terra nullius*), наличие которой приводит к неоднородному распределению практик политического насилия. До тех пор, пока киберпространство функционирует как *terra nullius*, действия в нем не регламентированы международно-правовыми нормами, и, следовательно, кибервойна лишена официального признания и может быть уподоблена дополитической «войне всех против всех».

В параграфе **3.4. «Город как пространство войны»** рассматриваются трансформации городского пространства в военных условиях. Подчеркивается, что городское пространство (в том числе, в условиях войны) не может быть сведено исключительно к физическому аспекту его существования, но включает в себя и символическое измерение. Пространство города генерирует собственный семиотический код, который во время войны подвергается серьезным трансформациям.

В диссертационном исследовании эксплицированы пространственные модели военного города. Пространственная модель *осажденного города* характеризуется четким разделением городского пространства на внутреннее и внешнее. Особую значимость приобретает феномен границы, которая опоясывает город по принципу кольца. Если мирный город – это открытая полидискурсивная система, находящаяся в состоянии перманентного взаимодействия с внешней средой, то в условиях осады утрачивается открытость города по отношению к иным пространственным и временным элементам.

Особое значение для *города, подвергающегося авиабомбардировке*, имеет вертикальное пространственное измерение. В случае «урбицида», вызванного массированными воздушными атаками, насилие, применяемое по отношению к городскому населению, приобретает массовый и неизбирательный характер и приводит к разрушению городского пространства как в его физическом, так и в знаково-символическом измерении. Крайняя форма реализации данной модели предполагает термоядерный урбицид.

Пространственная модель *города, на территории которого идут боевые действия*, предполагает устранение физической границы между своими и чужими

актерами, которые сражаются в пространстве, мало пригодном для ведения военных действий. В условиях ведения боевых действий происходит радикальная трансформация и десемантизация городской среды. Привычные объекты утрачивают свои повседневные функции – городской ландшафт преобразуется и декодируется в соответствии с целями войны.

Пространственная модель *оккупированного города* обнаруживает не только политическое и экономическое, но и символическое значение захвата города и его последующего переименования. В мирное время городская топонимика кумулирует исторически значимые смыслы и героические нарративы, которые обеспечивают единство общества. Топонимика оккупированного города подчинена цели установления нового дискурса власти, полностью устраняющего прежние ценности и политические ориентиры и возводящего новые героические культы. В условиях оккупации чужое насильственным образом ассимилирует и подавляет свое, а социокультурное пространство города сжимается, утрачивая возможность к производству собственного семиотического кода.

Разрушенный город – это выжженная земля, бывшее культурное и социальное пространство, которое насильственно переведено в статус чисто физического пространства. Физические свойства разрушенного города начинают довлеть над его социокультурными характеристиками.

Эксплицированные модели представляют собой «чистые типы» городского пространства, поскольку комплексный характер военных действий приводит к их взаимопересечению.

В диссертации обосновано, что в условиях войны город утрачивает черты открытости, полидискурсивности и трансграничности, присущие ему в мирное время. Вместе с тем встраивание в военный ландшафт даже тех элементов городского пространства, которые были изначально спроектированы для мирных целей, свидетельствует об обширном ресурсном потенциале этого пространства.

В четвертой главе **«Героизм и постгероизм в войнах современности»** эксплицируются характеристики героизма и их трансформации в постгероических обществах. Осуществляется исследование феномена невидимого врага, что позволяет внести вклад в изучение специфики дистанционного постгероического ведения войны. К философскому анализу привлекаются военные действия с использованием беспилотных летательных аппаратов. Прослеживаются пути трансформации идентичности акторов постгероической войны.

В параграфе **4.1. «Феномен героизма в постгероическом обществе»** эксплицированы значимые характеристики героического поведения. Во-первых, героизм понимается как свойство исключительно человеческого бытия, которое проявляется в соответствующей ситуации, актуализирующей духовные потенции личности. Условием взращивания военного героизма является особое воспитание будущих воинов, формирующее у них корпоративный воинский дух. Нравственное значение войны заключается в формировании у человека таких добродетелей, которые могут быть взращены исключительно в ситуациях самопреодоления и размыкания границ собственных возможностей. Во-вторых, героизм трактуется в диссертации как дар, не ориентированный на соразмерное отдаривание. Героический поступок не может быть понят в качестве элемента

отношений обмена. Героизм конституирует социальную и экзистенциальную асимметрию, которая не предполагает симметричного ответа. В-третьих, героическое событие становится объектом знания посредством повествующих о нем нарративов, которые должны служить свидетельствами его онтологической свершенности. Эпистемологическая неполнота, свойственная героическим нарративам, является неотъемлемым условием придания им статуса нравственных образцов. Сохранение в героическом нарративе элементов тайны подвига является условием эстетизации и сакрализации последнего.

Современная философия, исследуя специфику постгероизма, демонстрирует связь с идеями Г.В.Ф. Гегеля, Т. Карлейля, Ж. Сореля – теоретиками, которые, по-разному понимая суть героизма, проводили критическую рефлексию по поводу присутствия героического измерения в социальной жизни эпохи модерна.

В постгероических обществах прослеживается переход от культа военного героизма к конституированию и апологии других его форм, не связанных с воинской доблестью («героизм будней», «поп-героизм», нарративы о «супергероях»). Подлинный героизм вносит в жизненный мир трансцендентное измерение, конституируя ценностные, поведенческие, нравственные разрывы между героическими образцами и повседневностью. Именно поэтому десакрализация или травестирование героизма будет восприниматься как кощунство и именно поэтому десакрализация героизма вообще является возможной. Поп-героизм, тиражируемый массовой культурой, по своей сути является псевдогероизмом потому, что он не может быть лишен трансцендентного измерения, он не поддается десакрализации или травестированию, ибо изначально лишен сакрального значения и трансцендентных смыслов, не связан с подлинными высокими идеями (служение Отечеству).

В параграфе **4.2. «Невидимый враг в условиях современных войн»** в политическую философию введен концепт «невидимый враг» и выявлен круг охватываемых им объектов. Обосновано, что, во-первых, в политическом дискурсе он может использоваться в качестве метафоры для обозначения объектов, которые имеют как антропогенное, так и неантропогенное происхождение. Во-вторых, данный термин может иметь строгие смысловые границы, очерченные предметной областью политической философии. Концепт врага как элемент политико-философского дискурса должен быть очищен от метафорического содержания.

В условиях войны способность достижения комбатантом перцептивной неразличимости становится необходимостью. Объект в физическом пространстве может приобрести свойство невидимости, если будет преодолена граница его перцептивной различимости. В основе стремления к достижению абсолютной невидимости лежит реализация миметического желания достичь полной неразличимости человека с окружающей средой. Относительная невидимость, достигаемая с помощью камуфляжа и других военных технологий («невидимая» военная техника), дает на войне бесспорные преимущества.

Разработка стратегий маскировки/обретения невидимости связана с появлением новых способов визуализации невидимых феноменов. В ответ на

попытки перевода визуально недоступных военных объектов в поле перцептивной доступности разрабатываются новые стратегии достижения невидимости, конституируются новые невидимые враги, которые характерны для разных сторон военного противостояния.

В диссертации обосновано, что феномен невидимого врага может быть сконструирован исходя из перспектив атакующего и объекта атаки. Выявлены такие ипостаси «невидимого врага», как источник и жертва насилия, боец и разведчик, коллективный и индивидуальный субъект. Эксплицированы две смысловые области использования концепта «невидимый враг», релевантные политической философии: физическая и символическая невидимость.

В параграфе 4.3. **«Военные действия с использованием беспилотных летательных аппаратов: специфика и акторы»** исследованы особенности и перспективы военных действий, ведущихся с применением БПЛА, в сравнении их с традиционными технизированными войнами. Обосновано, что использование беспилотных летательных аппаратов принципиально меняет парадигму войны, трансформирует специфику деятельности и идентичность ее акторов.

В асимметричных вооруженных конфликтах с использованием БПЛА расщепляется двойственная идентичность бойца («убивающий – убиваемый»), характерная для комбатантов классических войн. Постгероическое ведение войны, лишаящее ее участников ипостаси убиваемого, приводит к изъятию из их идентичности политического тела. Соответственно, лишаются смысла и воспринимаются как кошунство коммеморативные практики в отношении комбатантов постгероических асимметричных военных действий с использованием БПЛА.

Беспилотные летательные аппараты служат средством постпаноптического надзора, эффективность которого достигается за счет децентрализации, делокализации и динамизации модели классического паноптикона (И. Бентам – М. Фуко). Вместе с тем достижение «текущего» (З. Бауман) всепроникающего паноптизма на сегодняшний день представляется сверхзадачей будущего.

Любое технологически сложное средство ведения военных действий заставляет противника разрабатывать контрсредство. Со стороны высокотехнологичных акторов войны это контрсредство воплощается в еще более совершенных технических объектах. Со стороны тех участников военных действий, которые не обладают необходимой военно-технической мощностью для противостояния постгероическим Голиафам, ответное насилие может принимать непредсказуемые и неуправляемые формы. «Бестелесные» практики насилия, разрабатываемые и применяемые акторами постгероических обществ, встречают сопротивление со стороны тех политических сил, которые готовы отстаивать свои интересы с применением неконвенциональных средств борьбы.

В **«Заключении»** делаются выводы и подводятся итоги диссертационного исследования, раскрываются перспективы дальнейшей теоретической разработки избранной темы.

Основные результаты диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях автора (80 публикаций общим объемом 69,1 п.л.):

Монографии

1. Балаклеец Н.А. Война и ее трансформации в современном обществе: опыт политико-философского анализа. – СПб.: Алетейя, 2024. – 330 с. (20,6 п. л.)
2. Балаклеец Н.А. Пути трансформации героизма в постгероическом обществе // Достоинство человека: актуальные измерения: Коллективная монография / Под общей редакцией А.В. Грехова и А.Н. Фатенкова. – М.: ООО «Практическая медицина», 2021. – С. 66-80. (22,5 /1 п. л.)
3. Балаклеец Н.А. Мифы и герои технизированной войны: экзистенциальный опыт Эрнста Юнгера // Общество. Культура. Человек / Н.А. Балаклеец, И.А. Беляев, Е.П. Галкина [и др.]. – Тольятти: ИССТЭ, 2024. – С. 4-17. (8,84 /1 п. л.)
4. Балаклеец Н.А. Homo bellator и нарративное измерение войны // Человек античный и человек современный: образ жизни, смерть и бессмертие. Коллективная монография / М.А. Богатов и др. – СПб.: Алетейя, 2025. – С. 210-273. (21 / 2,75 п.л.)

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для обнародования результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора наук

5. Балаклеец Н.А. Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 396. – С. 38-42. (0,6 п.л.)
6. Балаклеец Н.А. Субъект и власть: эссенциализм и пути его преодоления в современной политической философии // Философия и культура. – 2016. – № 10(106). – С. 1419-1429. (1,3 п.л.)
7. Балаклеец Н.А., Фаритов В.Т. Война в горизонте абсолютной трансгрессии: социально-онтологический и историко-философский аспекты // Социодинамика. – 2016. – № 3. – С. 154-166. (1,1/0,6 п.л.)
8. Балаклеец Н.А. Политико-философские идеи Н.М. Карамзина // Социодинамика. – 2016. – № 10. – С. 70-82. (1,1 п.л.)
9. Балаклеец Н.А. Война, политика и субъект: философия военной деятельности Карла Клаузевица // Философская мысль. – 2017. – № 2. – С. 55-70. (1,3 п.л.)
10. Балаклеец Н.А. Философия войны: Толстой и Клаузевиц // Социодинамика. – 2017. – № 1. – С. 1-15. (1,25 п.л.)
11. Балаклеец Н.А. Власть и трансгрессия: феномен масс в современном социальном пространстве // Философская мысль. – 2018. – № 2. – С. 33-44. (1,1 п.л.)
12. Балаклеец Н.А. Зрение и власть: пространство за границами паноптикона // Философия и культура. – 2018. – № 9. – С. 46-58. (1,2 п.л.)

13. Балаклеец Н.А. Война и государство в современную эпоху // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 103-110. (0,7 п.л.)
14. Балаклеец Н.А., Фаритов В.Т. Феномен границы в контексте европейской постметафизической философии: К. Хаусхофер и Ф. Ницше // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 459. – С. 61-67. (1/0,6 п.л.)
15. Балаклеец Н.А. Пространственный аспект современных войн: от традиционной войны к кибервойне // Социодинамика. – 2021. – № 4. – С. 136-149. (1 п.л.)
16. Балаклеец Н.А. Субъект власти в условиях современных войн: стратегия Давида vs стратегия Голиафа // Социодинамика. – 2021. – № 6. – С. 42-52. (0,9 п.л.)
17. Балаклеец Н.А. Невидимый враг как реалия современных войн // Сибирский философский журнал. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 92-102. (0,75 п.л.)
18. Балаклеец Н.А. Феномен киберпространства в контексте пространственной эволюции современных войн // Социальное время. – 2022. – № 4(32). – С. 20-32. (1 п.л.)
19. Балаклеец Н.А. Феномен политического и границы насилия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2023. – № 1. – С. 97-106. (0,75 п.л.)
20. Балаклеец Н.А. Героическое измерение постгероического общества // Logos et Praxis. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 39-48. (1 п.л.)
21. Балаклеец Н.А. Невидимый враг: от метафоры к концепту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39, № 3. – С. 410-422. (1 п.л.)
22. Балаклеец Н.А. Антагонистическое измерение политического: от Карла Шмитта к Шанталь Муфф / Н.А. Балаклеец, Е.В. Бакшутова, Н.С. Мухаметшина // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2023. – Т. 5, № 2. – С. 51-60. (0,7/0,5 п.л.)
23. Балаклеец Н.А. Эскалация вооруженного насилия: проблема предела // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2024. – Т. 6, № 1. – С. 48-54. (0,45 п.л.)
24. Балаклеец Н.А. Масса и война в трактовке Элиаса Канетти / А.А. Шестаков, Н.А. Балаклеец // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2024. – № 2(68). – С. 214-223. (0,7/0,35 п.л.)
25. Балаклеец Н.А. Победитель и побежденный: кто пишет историю // Logos et Praxis. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 16-25. (1 п.л.)
26. Балаклеец Н.А. Пространство и время жертвы // Основы экономики, управления и права. – 2025. – № 1(44). – С. 7-12. (0,5 п.л.)
27. Балаклеец Н.А. От героя к жертве: коммеморативные практики постгероического общества // Дискурс. – 2025. – Т. 11. – № 5. – С. 5–18. (1 п.л.)
28. Балаклеец Н.А. «Варварство» и «естественное состояние»: в поисках смысловых параллелей // Социум и власть. – 2025. – Т. 22. – № 4. – С. 102–121. (1,8 п.л.)

29. Балаклеец Н.А. Естественное состояние как неустрашимый элемент политического // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2026. – Т. 32. – № 1(100). – С. 103–108. (0,6 п.л.)

Публикации в других изданиях

30. Балаклеец Н.А. Тело и власть в социальном пространстве // Социальная жизнь в свете философской рефлексии: сборник научных трудов Третьей международной теоретико-практической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Г.Ф. Миронова, г. Ульяновск, 14-15 мая 2012 г. / под ред. Т.Н. Брысиной. – Ульяновск: УлГТУ, 2012. – С. 49-57. (0,6 п.л.)

31. Балаклеец Н.А. Субъект и власть: современная философия в поисках путей преодоления эссенциализации субъекта // Социальная жизнь как единство разнородных состояний: сборник научных трудов IV Международной теоретико-практической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Г.Ф. Миронова (1944-2008), г. Ульяновск, 15-16 мая 2014 г. / под ред. Т.Н. Брысиной. – Ульяновск: УлГТУ, 2014. – С.10-19. (0,6 п.л.)

32. Балаклеец Н.А. Элиас Канетти: власть как феномен социального пространства // Антирационалистический поворот в современной философии: к 170-летию со дня рождения Фридриха Ницше: сборник научных трудов. – Ульяновск: УлГТУ, 2014. – С. 124-134. (0,6 п.л.)

33. Балаклеец Н.А. Дисциплинарная власть как способ управления современным обществом // Современные проблемы права и управления: 4-я Международная научная конференция: сборник докладов, Тула, 02–03 октября 2014 г. – Тула: НОУ ВПО «Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации», 2014. – С. 139-142. (0,2 п.л.)

34. Балаклеец Н.А. Феномен партизана как трансгрессивный элемент социального пространства // Патриотизм: история, современность, образ будущего: Международная научно-практическая конференция, посвященная 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (Ульяновск, 14–16 апреля 2015 г.): Сборник научных трудов. В 2 ч. Ч. 1. – Ульяновск: УлГТУ, 2015. – С. 224-229. (0,3 п.л.)

35. Балаклеец Н.А. Terra nullius как топос социального пространства // Родное и вселенское: XI Международная научная конференция, Ульяновск, 29–30 сентября 2015 г. Т. 1. – Ульяновск: УлГТУ, 2015. – С. 120-127. (0,4 п.л.)

36. Балаклеец Н.А. Субъект власти и политический дискурс: способы детерминации // In memoriam: Владимир Ильич Белозерцев: сборник памяти Белозерцева В.И. – Ульяновск: УлГТУ, 2015. – С. 64-72. (0,4 п.л.)

37. Балаклеец Н.А. Гештальт партизана как трансгрессивный феномен: к политико-философской теории партизана Карла Шмитта // Политика и общество. – 2015. – № 7(127). – С. 943-951. (0,9 п.л.)

38. Балаклеец Н.А. Интеллигенция и дискурс власти в социальном пространстве России // Родное и вселенское: Мировое значение русской литературной классики, онтология художественного пространства, культурные

ландшафты России: сборник научных трудов. Составитель и ответственный редактор А.А. Дырдин. – Ульяновск: УлГТУ, 2015. – С. 123-136. (0,7 п.л.)

39. Балаклеец Н.А. Угроза ядерной войны: социально-онтологические предпосылки / Н.А. Балаклеец, В.Т. Фаритов // Общество в различных измерениях: Сборник научных трудов V Всероссийской теоретико-практической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Г.Ф. Миронова (1944-2008), Ульяновск, 18–19 апреля 2016 г. – Ульяновск: УлГТУ, 2016. – С. 50-57. (0,4/0,2 п.л.)

40. Балаклеец Н.А. Трансгрессивные аспекты войны (на материале трактата К. Клаузевица «О войне») // Патриотизм как объединяющая национальная идея: Международная научно-практическая конференция, посвященная 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина: Сборник научных трудов, Ульяновск, 12 мая 2016 г. – Ульяновск: УлГТУ, 2016. – С. 195-202. (0,5 п.л.)

41. Балаклеец Н.А. Время и война в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Родное и вселенское: мировое значение русской литературы. Философские, идейно-эстетические традиции, национальное своеобразие: сборник научных трудов. – Ульяновск: Печатный двор, 2016. – С. 47-55. (0,5 п.л.)

42. Балаклеец Н.А. К вопросу о политико-философских воззрениях Н.М. Карамзина // РОДНОЕ И ВСЕЛЕНСКОЕ: отечественная литературно-философская мысль, проблемы национальной идентичности, судьбы русского языка и культуры. Вып. 3.: сборник научных трудов / сост., отв. ред. А. А. Дырдин. – Ульяновск : ИПК «Венец» УлГТУ, 2016. – С. 23-35. (0,65 п.л.)

43. Балаклеец Н.А. Феномен масс и трансгрессия власти в современном обществе // Русская революция и современный мир: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием: в 2 частях, Нижний Новгород, 22–23 апреля 2017 г. / Нижегородская государственная медицинская академия. Том Часть II. – Н. Новгород: Нижегородская государственная медицинская академия, 2017. – С. 8-14. (0,3 п.л.)

44. Балаклеец Н.А. Пространство, тело и власть в концепции А. Лефевра // Диагностика современности: глобальные вызовы – индивидуальные ответы: Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Самара, 29–30 июля 2017 г. / Отв. ред. Ю.А. Разинов. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. – С. 129-138. (0,55 п.л.)

45. Балаклеец Н.А. «Ничья земля» как источник динамики социального пространства // Творчество и культура в свете философской рефлексии. Творчество культуры и культура творчества: Сборник научных трудов VI Международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Г.Ф. Миронова (1944-2008), Ульяновск, 16–17 февраля 2018 г. / Под редакцией М.П. Волкова. – Ульяновск: УлГТУ, 2018. – С. 56-64. (0,5 п.л.)

46. Балаклеец Н.А. Субъект власти как предмет современных философских и трансдисциплинарных исследований // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания: материалы Третьей международной науч. конф., 15–16 ноября 2018 г., г.

Минск. В 3 т. Т. II / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: А.А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2018. – С. 25-28. (0,2 п.л.)

47. Балаклеец Н.А. Власть и граница в постметафизическом контексте / В.Т. Фаритов, Н.А. Балаклеец // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2019. – Т. 21, № 69. – С. 63-70. (1/0,5 п.л.)

48. Балаклеец Н.А. Концепция производства пространства А. Лефевра в контексте идей «пространственного поворота» // Родное и вселенское: Национальное своеобразие и мировое значение русской литературы (эстетика, традиции, этнотопика): Сборник научных трудов Международной науч. конф., Ульяновск, 04–05 октября 2019 г. – Ульяновск: УлГТУ, 2020. – С. 28-38. (0,6 п.л.)

49. Балаклеец Н.А. Учение о справедливой войне: к истории и современному состоянию вопроса // Социальная справедливость: утопии и реалии: Материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения В.И. Ленина, Нижний Новгород, 25–26 апреля 2020 г. / Под общ. ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. – Нижний Новгород: ООО «Аквилон», 2020. – С. 89-96. (0,4 п.л.)

50. Балаклеец Н.А. Современная война: векторы эволюции // Пятые Лемовские чтения: сборник материалов Международной научной конференции памяти Станислава Лема, Самара, 05–07 ноября 2020 г. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. – С. 374-380. (0,65 п.л.)

51. Балаклеец Н.А. Постгероизм и войны современности // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы Пятой междунар. науч. конф. (19–20 ноября 2020 г., г. Минск). В 3 т. Т. 3 / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2020. – С. 307-310. (0,2 п.л.)

52. Балаклеец Н.А. Дроны как оружие постгероической войны: вызовы и угрозы // Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси: материалы Междунар. науч. конф. (15–16 апреля 2021 г., г. Минск). В 3 т. Т. 2 / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: А.А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2021. – С. 66-69. (0,2 п.л.)

53. Балаклеец Н.А. Героизм в современном обществе: пути трансформации // Достоинство человека: основания, перспективы, угрозы: Материалы Всероссийской науч. конф. с международным участием (Нижний Новгород, 24–25 апреля 2021 г.). В 2-х частях. Ч. 1. – Н. Новгород: Изд-во ПИМУ, 2021. – С. 90-98. (0,4 п.л.)

54. Балаклеец Н.А. Дроны как оружие современной войны: «надзирать и уничтожать» // Человек в информационном обществе: Сборник материалов научно-практической междунар. конф., посвященной 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина, Самара, 28–30 апреля 2021 г. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2021. – С. 520-523. (0,2 п.л.)

55. Балаклеец Н.А. Толстой и Клаузевиц: семантические параллели // История. Семиотика. Культура: Сборник материалов Международной науч. конф.,

посвящённой 200-летию Фёдора Михайловича Достоевского и 150-летию Сергея Николаевича Булгакова, Самара, 22–23 октября 2021 г. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2021. – С. 7-14. (0,55 п.л.)

56. Балаклеец Н.А. Специфика и акторы войны с использованием дронов // Общественные науки и современность. – 2021. – № 5. – С. 116-128. (1,2 п.л.)

57. Балаклеец Н.А. Город как место войны: топологические модели военного города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т. 23, № 80. – С. 40-50. (1,2 п.л.)

58. Балаклеец Н.А. Интеллектуалы как создатели нарративов о войне // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2022. – № 2(11). – С. 5-16. (0,8 п.л.)

59. Балаклеец Н.А. Холодная война в аспекте философской рефлексии // Родина, которой присягали... : материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования СССР, Нижний Новгород, 14–15 октября 2022 г. – Н. Новгород: Изд-во ПИМУ, 2022. – С. 43-48. (0,45 п.л.)

60. Балаклеец Н.А. Концепт «сверхполитическое» и его значение для социальной и политической философии // Интеллектуальная культура Беларуси: проблемы интерпретации философского наследия и современные задачи гуманитарного знания: материалы Шестой междунар. науч. конф. (17–18 ноября 2022 г., г. Минск). В 2 т. Т. 1 / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2022. – С. 103-106. (0,2 п.л.)

61. Балаклеец Н.А. Миф и война: героические нарративы победителей и военная мифология побежденных // Конфликт идеологий: философские, социально-политические и культурно-исторические аспекты: Сборник материалов Всероссийской науч. конф. с международным участием, Самара, 18–19 ноября 2022 г. / Отв. редактор И.В. Демин. – Самара: ООО «САМАРАМА», 2022. – С. 181-188. (0,55 п.л.)

62. Балаклеец Н.А. Феномен героизма в современном обществе // Культурно-цивилизационный кризис в условиях информационного общества: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 02 декабря 2022 г. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2022. – С. 33-35. (0,2 п.л.)

63. Балаклеец Н.А. Концепт «политическое»: интра- и экстрафилософские импликации // Мировоззренческая парадигма в философии: политика между апологией и критикой (к 2300-летнему юбилею Аристотеля): Сборник статей по материалам XVIII Международной науч. конф., Нижний Новгород, 18 января 2023 г. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2023. – С. 49-55. (0,45 п.л.)

64. Балаклеец Н.А. Борьба за единство мира: рефлексия политического в контексте холодной войны // Человек в информационном обществе: Сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации, Самара, 26–28 апреля 2023 г. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, 2023. – С. 794-797. (0,25 п.л.)

65. Балаклеец Н.А. Эскалация насилия и ее границы (об актуальности идей Клаузевица) // Человек на изломах истории: Материалы Всероссийской науч. конф., Нижний Новгород, 13–14 октября 2023 г. – Н. Новгород: Изд-во ПИМУ, 2023. – С. 136-141. (0,3 п.л.)

66. Балаклеец Н.А. Эскалация насилия: перспективы и границы // Интеллектуальная культура Беларуси: гуманитарная безопасность в условиях глобальных вызовов: материалы Седьмой междунар. науч. конф. (16–17 ноября 2023 г., г. Минск). В 2 т. Т. 1 / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А.А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2023. – С. 360-363. (0,2 п.л.)

67. Балаклеец Н.А. Тринитарная война и ее трансформации в современную эпоху // Информационное общество и духовная культура молодёжи: Материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 01 декабря 2023 г. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2023. – С. 297-299. (0,2 п.л.)

68. Балаклеец Н.А. Проект вечного мира И. Канта и трансформация феномена политического // Мировоззренческая парадигма в философии: взаимоотношение онтологии и гносеологии как философская проблема (к 300-летию юбилею И. Канта): Сборник статей по материалам XIX Международной науч. конф. (Нижний Новгород, 20 января 2024 г.). – Н. Новгород: ННГАСУ, 2024. – С. 54-60. (0,4 п.л.)

69. Балаклеец Н.А. Диалектический смысл понятия «победа» // Диалектическая методология в системе трансдисциплинарных исследований: к 95-летию со дня рождения академика НАН Беларуси Д.И. Широканова (1929–2023): материалы Междунар. науч. конф. (21 мая 2024 г., г. Минск) / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А.Н. Спасков (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2024. – С. 23-26. (0,2 п.л.)

70. Балаклеец Н.А. «Победа» как политико-философский концепт // Интеллектуальная культура Беларуси: от Просвещения к Современности: материалы Восьмой междунар. науч. конф. (21–22 ноября 2024 г., г. Минск). В 2 т. Т. 1 / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Четыре четверти, 2024. – С. 159-162. (0,2 п.л.)

71. Балаклеец Н.А. Рациональное и иррациональное в восприятии войны: политико-философский анализ // Мировоззренческая парадигма в философии: принцип рациональности и его конкуренты: Сборник статей по материалам XX Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 18 февраля 2025 г. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2025. – С. 64-71. (0,4 п.л.)

72. Балаклеец Н.А. Уроки войны и смыслы победы // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в социальной памяти и современных реалиях (к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : Сборник трудов Международной науч. конф., Москва, 18 апреля 2025 г. – М.: ООО «Сам Полиграфист», 2025. – С. 88-95. (0,3 п.л.)

73. Балаклеец Н.А. «Война памяти»: проблематизация концепта // Человек в информационном обществе: сборник материалов третьей международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (23–26 апреля 2025 г., г. Самара); под общ. ред. А.Ю.

Нестерова. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2025. – С. 648-651. (0,2 п.л.)

74. Балаклеец Н.А. Эрих Фромм о причинах человеческой агрессии // Интеллектуальная культура Беларуси в глобальных и региональных контекстах: материалы Девятой междунар. науч. конф. (20–21 ноября 2025 г., г. Минск). В 2 т. Т. 1. – Минск: Четыре четверти, 2025. – С. 98-100. (0,2 п.л.)

75. Балаклеец Н.А. Феномен партизана: политико-философские смыслы // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов IX Междунар. науч. конф. (Москва, 21 ноября 2025 г.). – М.: ООО «Сам Полиграфист», 2025. – С. 123-131. (0,4 п.л.)

76. Балаклеец Н.А. Война как комплекс миметических рядов насилия // Философия Победы (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне). Международная конференция. Санкт-Петербургский государственный университет, 20-21 ноября 2025 г. Сборник статей. – СПб.: АНО ДПО «Институт мира и исследование конфликтов», 2025. – С. 197-203. (0,3 п.л.)

77. Балаклеец Н.А. Мыслить войну: к вопросу о методологии философского исследования вооруженного насилия // Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания. Пространство свободы: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Ижевск, 24–25 сентября 2025 г. – Ижевск: Изд-во УИР ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, 2026. – С. 137-139. (0,2 п.л.)

78. Балаклеец Н.А. Трактровка ценностей в конструктивистских концепциях международных отношений // История мировых цивилизаций. Духовно-нравственные ценности как фактор развития общества: материалы XX Всероссийской науч. конф. Красноярск, 28 ноября 2025 г. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2026. – С. 33-37. (0,2 п.л.)

79. Балаклеец Н.А. Миметическая теория Рене Жирара: эвристический потенциал и границы // Мировоззренческая парадигма в философии: диалектика движения, развития и техноэволюции в человеческой деятельности: сборник статей по материалам XXI Международной научно-практической конференции (Н.Новгород, ННГАСУ, 18 февраля 2026 г.). – Н. Новгород: ННГАСУ, 2026. – С. 69-77. (0,4 п.л.)

80. Балаклеец Н.А. Насилие и религия в миметической теории Рене Жирара // Философское знание в цифровую эпоху: к 95-летию Института философии НАН Беларуси: материалы Междунар. науч. конф. (19–20 марта 2026 г., г. Минск). В 3 т. Т. 3 / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: А.А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2026. – С. 214-217. (0,2 п.л.)